

В.В. МАРЬИНА

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И СЛОВАЦКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ. 1939–1941 годы. По материалам Архива МИД РФ

14–15 марта 1939 г. усилиями Гитлера была расчленена вторая республика Чехо-Словакия: ее западная часть – Чехия и Моравия – под названием "Протекторат Богемия и Моравия" вошла в состав "третьего рейха"; Словакия якобы добровольно стала формально независимым государством, Подкарпатскую Русь с согласия Берлина оккупировала Венгрия. Советский Союз в ноте от 18 марта 1939 г. выразил решительный протест против очередного агрессивного акта и вероломной политики нацистской Германии. Москва оставила без ответа ноту словацкого правительства от 14 марта, извещавшую о создании нового государства и содержащую просьбу о его признании де-юре. Однако де-факто СССР вынужден был считаться со сложившимся положением дел. Хотя в Москве до декабря 1939 г. сохранялось возглавляемое З. Фирлингером чехословацкое полпредство, но его деятельность носила преимущественно символический, формальный характер. С германскими властями начались переговоры о преобразовании советского полпредства в Генконсульство СССР в Праге и о налаживании работы советского торгпредства в протекторате, поскольку в продолжении и развитии советско-чешских экономических связей были заинтересованы обе стороны. Резкое изменение советского внешнеполитического курса после заключения пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. повлекло за собой и изменение политики Москвы в отношении Словакии: в сентябре 1939 г. СССР признал ее де-юре, хотя официального сообщения об этом советских властей не последовало. Инициатива в установлении дипломатических отношений исходила от словаков, но "благословение" в этом они получили от Берлина¹. В декабре 1939 г. в Москву прибыл словацкий посланник Ф. Тисо, близкий родственник словацкого президента Й. Тисо. В феврале 1940 г. в Братиславе начал свою деятельность советский полпред Г.М. Пушкин (1909–1963), молодой эрудированный дипломат, чьи информационные сообщения, справки, характеристики, направляемые в НКВД СССР, отличались аналитичностью и собственным взглядом на многие вещи, хотя, естественно, не выходили за рамки, определяемые советским внешнеполитическим курсом. Пушкину, как следует из подписанных им материалов, была свойственна скрупулезность и селективность в отборе важных сведений, касавшихся отношений Словакии и СССР. Он встречался со многими словацкими политическими деятелями и аккредитованными в Братиславе дипломатами, доводя их мнения о словаках и Словакии до сведения НКВД. Следует отметить, что деятельность Пушкина на посту

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Подробнее о советско-словацких отношениях в 1939–1941 гг., о месте Словакии в политике СССР и Германии см.: *Marjina V.* "Brána na Balkán". Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–1941. – Soudobé dějiny, Praha, 1994, № 6, s. 827–846; *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии. – Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999, с. 198–240; *Марьина В.В.* "Ворота на Балканы". Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941. – Война и политика. 1939–1941. М., 1999, с. 472–489.

полпреда СССР в Словакии в 1940–1941 гг. не нашла отражения в советском "Дипломатическом словаре" 1986 г. издания. Ничего не говорилось о том, что СССР установил и поддерживал дипломатические отношения с "клеро-фашистской" (по терминологии того времени) Словакией².

Вручая верительные грамоты президенту Словакии, Пушкин заявил: "Народы Советского Союза с глубоким удовлетворением встретили установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Словацкой республикой"³. Следить за событиями в Словакии во второй половине 1939 г. НКВД поручил советскому генконсулу в Праге В.П. Яковлеву. 13 августа он получил следующее указание заместителя наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина: "Мы испытываем серьезную потребность в материалах, связанных с характеристиками политических деятелей Чехо-Словакии... Мы вам высылаем список лиц, на которых нам в первую очередь нужны характеристики. Характеристики не должны сводиться к биографическим данным, а содержать возможно более полные данные о политическом лице того или иного деятеля". В перечень этих лиц входили: тогда премьер-министр Словакии Й. Тисо, зампреьера Гаха (скорее всего речь шла о В. Туке. – *В.М.*⁴), министр иностранных дел Ф. Дурчанский (правильно Дюрчанский. – *В.М.*), военный министр Ф. Чатлош, министр юстиции Г. Фритц, министр народного хозяйства П. Затько, министр путей сообщения Ю. Стано, министр просвещения Й. Сивак, министр социального обеспечения Р. Чавойский, шеф пропаганды и руководитель глинковской гвардии⁵ А. Мах⁶. Выполнить все эти поручения Яковлев был не в состоянии: генконсульство находилось в стадии становления, кадровые возможности были ограничены, информации не хватало. И все же кое-какие сведения о положении дел в Словакии из Праги поступали. Так, например, 22 июня 1939 г. Яковлев направил в НКВД общие сведения, касавшиеся характеристики словацкого правительства, выделив при этом имеющиеся в нем группировки: 1. Тисо, Сивак и Чатлош – люди, "симпатизирующие идее чехословацкого государства, но находящиеся в руках немцев и танцующие под их дудку"; 2. Тука, Мах – "мадьярофилы, но держатся пронемецкого венгерского течения"; 3. Дюрчанский, Мургаш – "откровенные германофилы". "Первая группа лиц, – считал Яковлев, – могла бы возглавить антинемецкое течение, но для этого нужно, чтобы чувствовалась слабость Германии, а не ее сила в Словакии"⁷. В дальнейшем характеристики словацких политиков уточнялись в зависимости от их действий, поведения, заявлений в той или иной конкретной ситуации, от пополнения банка сведений о них. Так, Яковлев осенью 1939 г. встречался с коммунистами Л. Новомеским и Г. Гусаком, с профессором братиславского Университета А. Мразом. Описывая разговор с Новомеским ("в последнее время он вращался там в кругах министра иностранных дел Дюрчанского") 8 сентября советский генконсул уточнял свои предыдущие оценки так: словацкие политические деятели и интеллигенция делятся сейчас на два лагеря, к первому из которых относится весь народ, настроенный антинемецки; к нему относится и "бывший германофил" Дюрчанский ("когда венгры занимали восточную Словакию, он три раза звонил Риббентропу, но тот не подошел к телефону. Тогда Дюрчанский заявил, что занятие части Словакии венграми дело «немецких свиней». Берлинские круги

² Дипломатический словарь, т. 2. М., 1986, с. 437. В 1944–1948 гг. Г.М. Пушкин являлся политическим советником Союзной Контрольной Комиссии, затем посланником СССР, а в 1948–1949 гг. послом СССР в Венгрии; в 1949–1952 гг. он возглавлял советскую дипломатическую миссию в ГДР, а в 1954–1958 гг. был послом СССР в ГДР; в 1952–1953 гг. и в 1959–1963 гг. являлся заместителем министра иностранных дел СССР.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 01386, оп. 4, п. 2, д. 4, л. 6.

⁴ Видимо, это была просто ошибка или опечатка, поскольку Потемкин не мог не знать, что Гаха в это время являлся президентом Протектората Богемия и Моравия.

⁵ Полувоенная организация словацкой народной партии, основанная А. Глинкой. От слова "люди" – "народ" – члены партии именовались "людовцы".

⁶ АВП РФ, ф. 0138, оп. 20, п. 130, д. 2, л. 35, 37.

⁷ Там же, д. 1, л. 110.

сейчас Дюрчанским недовольны"). Советско-германский пакт о ненападении Дюрчанский и его окружение использовали к своей выгоде: "Из министерства иностранных дел был немедленно изъят матерый враг СССР белоэмигрант Гарин-Михайловский, работавший там референтом русского отдела. На его место теперь Дюрчанский приглашает Лацо Новомеского, заявляя, что это будет приятно русским". "Другой лагерь, – как значится в записи беседы, – представляют собой люди, получившие выгоды в новой Словакии. Особенно обогатились адвокаты, в частности адвокат министр Пружинский, на ликвидации еврейского имущества. Во главе этого пронемецкого лагеря стоят Мургаш, Тука, Киришбаум и Мах"⁸. 21 сентября В.П. Яковлев писал А.М. Александрову, заведующему отделом Центральной Европы в НКВД: "Прошу обратить внимание на беседу с Лацо Новомеским, касающуюся Словакии. Сейчас Вас это государство, по-видимому, интересуе"⁹. Подчеркнутые слова свидетельствуют о том, что Яковлеву не было сообщено об установлении дипломатических отношений СССР со Словакией, о чем он узнал, скорее всего, из прессы. Официальных сообщений на этот счет не было. Вторая беседа с Новомеским состоялась 25 сентября. Он сообщил, записал Яковлев, что по поручению друзей едет в Словакию, чтобы принять предложение Дюрчанского "на занятие должности референта по русским делам МИД вместо уволенного оттуда белогвардейца". Новомеский спросил, "не может ли он что-либо передать от меня своим друзьям или Дюрчанскому в Словакии, не могу ли я сказать им, какую политику в связи с признанием (Советским Союзом Словакии. – *В.М.*), займет СССР по отношению к Словакии. Я прямо ответил Новомескому, что никем на подобные ответы не уполномочен... что я никаких политических советов давать не могу"¹⁰.

К концу 1939 г. установление дипломатических отношений между СССР и Словакией стало уже "секретом Полишинеля". В словацком обществе курсировали разные слухи о том, кто будет представлять Словацкую республику в Москве, а кто – СССР в Братиславе. Свидетельствуют об этом рукописные (без подписи и даты) "Материалы о политической и экономической жизни Словакии, почерпнутые из разговоров с помощником присяжного поверенного доктором Густавом Гусак (коммунистом) и с профессором Университета в Братиславе, близко стоящими к правительственным кругам". Скорее всего, судя по стилю, этот документ был подготовлен Яковлевым в Праге в ноябре 1939 г. В нем содержится краткая характеристика словацкого посланника в СССР Ф. Тисо ("родственник президента Тисо, раньше был преподавателем средней школы. Профессор Андрей Мраз беседовал с Тисо, и тот произвел на него впечатление разумного и разбирающегося в политике человека. Вообще же посланник Тисо в словацкой общественности личность неизвестная") и слухов вокруг формирования советского и словацкого представительств соответственно в Братиславе и Москве: "Ходили слухи, что послом в Москву словацкое правительство пошлет или коммунистического депутата Клементиса или (социал-демократа. – *В.М.*) Майора. После того, как выяснилось, что оба они эмигрировали, распространились слухи, что Москва пошлет в качестве своего посланника в Братиславу или Клементиса, или Майора. На мой вопрос, кто будет культурным атташе словацкого посольства, профессор Мраз мне ответил, что был назначен коммунист Лацо Новомеский или коммунист Поничан. Теперь раздаются голоса против кандидатур последних, так как боятся, как бы не повторилась история со словацким послом в Лондоне Сатмари, ушедшим в эмиграцию и перешедшим в лагерь словацких легионеров. Во всяком случае, прибытия советского посольства в Братиславе ждут с большим нетерпением. Д-р Гусак указал, что, если советский посланник поведет ловкую политику, то он легко сможет снискать в пользу (Советского. – *В.М.*) Союза многих лиц из правительственных кругов, мечтающих найти опору в славянском государ-

⁸ Там же, л. 142–143.

⁹ Там же, л. 196.

¹⁰ Там же, л. 188–189.

стве с целью защиты от германской гегемонии. Таким ближайшим славянским государством после распада Польши является СССР"¹¹.

Характеризуя внутривластную жизнь Словакии, автор "Материалов" писал: самым крупным событием в этой сфере "следует считать тот факт, что Тисо удалось удержать в правительстве все умеренные элементы и устранить все радикальные. Германия хотела после избрания Тисо президентом (в октябре 1939 г. – *В.М.*) создать правительство из радикальных фашистских словацких кругов. Следует считать большой победой Тисо, что ему удалось удержать старое правительство и несколько оттеснить радикальные элементы. Правда, Тука стал премьер-министром, но без портфеля. Мургаш получил почетное место в совете министров, но фактически он лишен всякого политического влияния. Из радикалов остался на своем месте только Ш. Мах. Самым влиятельным в настоящее время стал Дюрчанский, который одновременно занимает пост министра внутренних и иностранных дел. Кроме того, он избран товарищем председателя глинковской партии. Усилением своего влияния Дюрчанский обязан Киришбауму, который, будучи секретарем глинковской партии, овладел всем партийным аппаратом ее... Что касается военного министра Чатлоша, то он теперь всецело ориентируется германофильски, хотя в самой словацкой армии сильно и чехословацкое движение и движение советофильское".

Об отношении в Словакии к СССР в документе говорится следующее: «В Братиславе со всех сторон слышно, что народ всецело ориентируется на СССР. Чем больше растет и будет расти ненависть к германским грабителям, тем сильнее рост русофильства. До заключения германо-советского пакта почти все словаки были ориентированы советофильски. После пакта произошел раскол. Часть словаков, главным образом коммунисты, остались верны Союзу, у "бенешевцев" настроение было противосоветское. Потом, когда Красная Армия приблизилась к Словакии, опять почти все население объединилось в советофильстве: дипломатию СССР признают мудрой и только ждут, когда придут в Словакию русские». Затрагивался в "Материалах" и чехо-словацкий вопрос: «Коммунист д-р Гусак высказал пожелание, чтобы советское радио не говорило о Чехословакии. Английское и французское радио делают большую ошибку, все время выступая с терминами "Чехословакия", "чехословаки" и т.п. Ошибки эти понятны: словацкая эмиграция, выехавшая за границу в апреле и марте, не знает, что в этом отношении сильно изменилось настроение словаков. За последнее время словаки привыкли считать себя самостоятельным народом, что объясняется отчасти лучшей экономической конъюнктурой Словакии по сравнению с так называемым протекторатом»¹².

В декабре 1939 г. в Москву прибыл Ф. Тисо. Подробные сведения для Молотова о нем были составлены на основе материалов, полученных из советского полпредства в Берлине: Тисо родился в 1894 г. Имеет среднее образование, изучал теологию и философию в Вене и Будапеште. Журналист. В 1920 – 1926 гг. был преподавателем средней школы. С 1928 по 1935 г. – секретарь Словацкой народной партии. Перед назначением в Москву был коммерческим директором текстильной фабрики в г. Тренчине. Владеет словацким, венгерским, немецким, французским и частично русским языками (подчеркнуто красным карандашом. – *В.М.*). Состоит в близких родственных связях с президентом Словакии¹³. Одним из первых шагов словацкого посланника было обращение в НКВД с письмом с приглашением от имени премьер-министра представителей 33 советских университетов на открытие словацкого Университета в Братиславе 14 января 1940 г. В связи с этим председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанов получил 23 декабря 1939 г. указание В.П. Потемкина: "НКВД считал бы желательным послать в Братиславу делегацию в количестве до 5 человек". Копию письма получил Молотов¹⁴. Делегация была сформирована, и соответ-

¹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 20, д. 215, л. 95–96.

¹² Там же, л. 101–104.

¹³ Там же, д. 219, л. 1. В верхнем левом углу документа помета: "Молотов читал".

¹⁴ Там же, л. 39.

ствующая нота 9 января 1940 г. ушла в словацкое полпредство. Кроме Кафтанова, в делегацию входили начальник Управления университетов Комитета по делам высшей школы профессор С.А. Новиков, академик АН СССР профессор МГУ А.М. Колмогоров, профессор МГУ Д.Г. Виленский, профессор ЛГУ Д.И. Дейнека, профессор Московского института философии, истории и литературы А.М. Еголин¹⁵. Согласно письму Кафтанова Молотову от 30 декабря 1939 г., содержащему расширенные характеристики членов делегации, все они, кроме академика Колмогорова, являлись членами (либо кандидатами в члены) ВКП(б). 36-летний Колмогоров получил звание академика в 1939 г., заведующий кафедрой теории вероятностей, "один из выдающихся математиков в СССР", как значилось в письме, в конце концов, не поехал в Словакию в связи с действительной или мнимой болезнью¹⁶.

Это была единственная официальная поездка представителей советской науки и культуры в Словакию за время существования дипломатических отношений между СССР и Словакией в 1939–1941 гг. По возвращении в Москву Кафтанов подготовил подробный отчет о поездке, отметив, что и в Словакии, и в Германии, где затем побывала делегация, ее "принимали хорошо". Он описал саму процедуру инсталляции, подчеркнув, что "это довольно театральная вещь" и что "в ней мало научного", изложил "ученую речь" Туки, профессора международного права, который выбрал для доклада тему о кровной мести в Албании, как «наиболее "актуальную" на современном этапе международных отношений». В "довольно скучной" речи, как писал Кафтанов, Тука хотел обойти все острые вопросы этих отношений. Далее следовало изложение приветствий, с которыми выступали представители самой большой германской и других делегаций. О своем выступлении Кафтанов писал так: "Речь произвела большое впечатление и сопровождалась аплодисментами. Во время моего выступления была абсолютная тишина, чего не было до этого". Он говорил о постановке дела высшего образования в СССР, о близости советской и словацкой культуры, выразил пожелание установить более тесные культурные и научные связи между учеными обеих стран, что сопровождалось бурной овацией. Говоря о приеме у Туки, автор отметил, что "он свою приветственную речь на обеде держал на французском языке, несмотря на то, что прекрасно говорит по-немецки. Немцы по этому поводу внешне проявили недоумение, ежились". Вечером приглашенные присутствовали на представлении в Государственном театре, в репертуаре которого имелись "Фауст" и другие оперы. Но он дал в этот день "Хованщину", а через два дня – "Лебединое озеро". Посол Германии, по словам Кафтанова, «был страшно смущен тем обстоятельством, что дали "Хованщину", и уехал раньше времени». Во время приема у Тисо Тука провел много времени с советской делегацией, был чрезвычайно любезен и фотографировался с ней. Он устроил специальный ужин в честь советских гостей, как и военный министр Чатлош. "В Словакии сейчас фашистский режим с большим религиозным налетом... – писал Кафтанов. – В отличие от итальянского и германского фашизма у словаков отношения с церковью обстоят благополучно... Настроение самих членов правительства, министров таково, что они неуверенно смотрят вперед. С кем ни говоришь, отвечают, кто его знает, что будет дальше... У них сильны и антигерманские настроения, но они очень скрытны, и в этой связи они проявляли очень большой интерес к Советскому Союзу... Словаки боятся, чтобы с ними Германия не сделала то же, что она сделала с чехами, то есть, чтобы их не превратила в полный протекторат".

Чтобы не попасть в полную зависимость от Германии, согласно Кафтанову, Словакия ищет сейчас опору и в других странах, проявляя в этой связи большой интерес к Советскому Союзу. Этот интерес свойствен и простому народу. Описана сцена в деревне Веймеры (правильно – Вайноры. – В.М.): «Там выступает хор, поют, танцуют, вдруг они узнают, что приехала советская делегация, приходят, обнимают, кричат "братскому народу привет!", поют русские старинные песни "Тройка", "Ямщик не гони лошадей",

¹⁵ АВП РФ, ф. 138б, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 1–2.

¹⁶ АВП РФ, ф. 011, оп. 6, п. 37, д. 62, л. 1–3.

"Степан Разин". Сам Тисо (словацкий посланник в Москве) знает все русские песни и был запевалой. Со стороны народа оказывается исключительное внимание и даже в некоторых местах задают нескромный вопрос: "Когда Вы нас пригреете? Ведь 9 км всего на всего осталось между Закарпатской Русью и Советским Союзом. Что же Вы ее не взяли?". Мы таких разговоров избегали, чтобы не создавать ненужных настроений».

Советскую делегацию в поездке по Словакии сопровождал Ф. Тисо, который, по словам Кафтанова, "вел себя очень хорошо, был любезен, внимателен, много рассказывал нам о Словакии... Интересно, что он объективно рассказывает в Словакии о достижениях Советского Союза. В этом я убедился на следующем примере. На одном из приемов я сидел и разговаривал с военным министром. Он расспрашивал меня, как выглядит Москва, говорит, что слышал, что у вас очень хорошее метро, что станции метро выстроены в стиле этого дворца (прием был у бургомистра во дворце). Я подтвердил ему это. Но он сказал, что этому не верит... Тисо повторил ему то, что сказал я"¹⁷.

2 февраля 1940 г. в 20 час. 30 мин. поездом через Берлин в Братиславу прибыли Г.М. Пушкин и советник полпредства Н.М. Ковалев. На вокзале их встречали заместитель директора политического отдела МИД Г. Крно (как советник по экономическим вопросам с марта 1940 г. он стал работать в словацкой миссии в Москве), представитель Телеграфного агентства Словакии. "Наш приезд местные газеты не афишировали, ограничившись лишь краткими сообщениями"¹⁸, – записал Пушкин в дневнике. Скорее всего, это было указание шефа словацкой пропаганды Маха, сделанное по "рекомендации" его немецких патронов, весьма раздраженных теплым приемом в Словакии советской делегации во главе с Кафтановым. 5 февраля Г.М. Пушкин нанес визит директору протокольного отдела МИД Р. Радлинскому и Ф. Дюрчанскому. "Это – молодые люди, как primero, так и второму всего лишь по 33 года. Передал Дюрчанскому копию верительных грамот и копию речи и просил его заранее познакомить меня с ответной речью президента. Он обещал. В целом беседа носила малоинтересный характер, но следует отметить одно замечание Дюрчанского, брошенное мимоходом: венгры захватили часть нашей территории, но мы не теряем надежды ее вернуть. На вопрос. Сколько имеет Словакия своих представителей за границей, Дюрчанский ответил, что они посылают их лишь туда, где необходимо их иметь с точки зрения политических и экономических интересов Словакии. При этом он заметил, смеясь, что его отец как-то говорил ему, что никогда не следует пытаться накрывать одеялом больше того, на что оно рассчитано"¹⁹.

14 февраля Пушкин вручил верительные грамоты президенту: "Тисо в данном случае изменил своему обычаю, встретив нас без креста на шее... Аудиенция у президента длилась около 40 минут. Словаки этим явно стремились подчеркнуть особое расположение к Советскому Союзу... вся беседа президента и министра (Дюрчанского. – В.М.) со мной носила приветливый характер". Тисо особенно интересовался советской кинопродукцией, возможностями экономических связей и затронул некоторые политические вопросы. Он заметил, что словацкий народ весьма симпатизирует родственным народам Советского Союза, что эти симпатии возникли не вчера, а уходят далеко в историю. "В период, когда Словакия находилась под гнетом Австро-Венгрии, она всегда смотрела на Россию как на своего будущего освободителя". Тисо не скрывал своей неприязни к Венгрии, с которой словаки "имеют большие территориальные счета" и которая должна вернуть Словакии территорию с 600 тыс. населения.

"Как обычно, – записал Пушкин в дневнике, – все мои собеседники, с которыми мне приходилось здесь встречаться, Тисо и Дюрчанский, ругали Масарика и Бенеша"²⁰ и их

¹⁷ Там же, л. 17–29.

¹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 23, д. 289, л. 1.

¹⁹ Там же, л. 1.

²⁰ Т.Г. Масарик – первый президент Чехословацкой республики, Э. Бенеш – второй президент ЧСР, в октябре 1938 г. эмигрировавший на Запад и возглавивший борьбу за восстановление Чехословацкой республики в домюнхенских границах.

политику, направленную на порабощение словаков. Тисо заявил, что, как в Чехии, так и в Словакии, все более или менее видные посты занимали чехи. Такая политика, по его мнению, была одной из главных причин крушения Чехословакии". Тисо произвел на Пушкина "впечатление весьма умного и хитрого попа, способного прикидываться простым и доверчивым собеседником"²¹. Что касается Дюрчанского, то он, по мнению Пушкина, "пользуется в Словакии большим авторитетом. Производит впечатление человека умного, довольно образованного. Не знаю пока, какому богу он служит. Ходят слухи, что немцы его недолюбливают... Мне он жаловался на немцев. Он заявил, что немцы, боясь испортить свои отношения с Италией, не помогли словакам в их споре с Венгрией"²².

Советский посланник понравился словацким партнерам. Личный секретарь Й. Тисо К. Мурин после приема советского полпреда записал в дневнике: "Пушкин внешне симпатичен, производит впечатление культурного и умеренного во взглядах человека". О благоприятном впечатлении свидетельствовала и запись Мурина о весьма непринужденной атмосфере, царившей во время ужина, данного Дюрчанским в честь Пушкина: Радлинский отмечал, что такой сердечной встречи с представителями иностранных государств еще не было"²³.

Немцы были явно раздражены отношением словаков к советскому полпредству, опасаясь усиления в Словакии советского влияния. В конце февраля в Берлин был приглашен Мах, где ему оказывались большие "почести". По-видимому, этим, считал Пушкин, немцы «пытались лишний раз подчеркнуть "независимость" Словакии». В информационном письме в НКВД от 4 марта советский полпред писал: "Положение Дюрчанского пока что довольно прочное, но немцы его не любят и, по-видимому, ждут подходящего момента, чтобы его убрать. По моим наблюдениям Дюрчанский проводит довольно сдержанную политику. Он боится чем-либо напугать немцев, но в то же время не позволяет им чересчур распоясываться... Дюрчанский как министр внутренних дел не следует политике Гитлера и в отношении компартии. Компартия в Словакии запрещена, но тем не менее большинство коммунистов на свободе и работают далее в словацких государственных учреждениях. Далее, упорно утверждают, что Дюрчанского не любят в Берлине и за то, что он не проводит в Словакии антисемитскую кампанию в такой мере, в какой требует это Берлин. Это, пожалуй, верно. Дюрчанский здесь считается с настроениями словацкого народа, которому чужд антисемитизм... Дюрчанский понимает, что антисемитская кампания в Словакии, если она будет проводиться в таком объеме, как в Берлине, вызовет неприязненное отношение к Словакии за границей, и это подорвет внешнеполитические позиции этого и без того малоустойчивого государства". Через призму противопоставления позиций Дюрчанского и Маха, "открытого проводника германской политики в Словакии", Пушкин оценивал прием, устроенный словацким министром иностранных дел 2 марта 1940 г. На него был приглашен весь состав советской и германской дипломатических миссий. "Дюрчанский организовал его не случайно, – писал Пушкин. – Он хотел показать немцам, что отныне Словакия имеет дело не только с Германией, но и с Советским Союзом (отчеркнуто по левому краю красным карандашом. – В.М.)". Вместе с тем, учитывая, что советско-словацкие отношения могли тогда развиваться лишь в рамках советско-германских отношений, полпред замечал: "От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное" (отчеркнуто по левому краю красным карандашом. – В.М.)"²⁴. Об особых позициях Дюрчанского Пушкин говорил и в связи с направлением в НКВД перевода воззвания Коммунистической партии Словакии по случаю первой годовщины

²¹ АВП РФ, ф. 1386, оп. 4, п. 2, д. 4, л. 1–3.

²² Там же, д. 3, л. 8.

²³ Čierna-Lantayová D. Pohl'ady na Východ (Postoj k Rusku v slovenskej politike 1934–1944). Bratislava, 2002, s. 108–109.

²⁴ АВП РФ, ф.1386, оп. 4, п. 2, д. 9, л. 28–30.

образования Словацкой республики: "Обращает на себя внимание тот факт, что в прокламации ни разу не упоминается имя министра Дюрчанского. Это лишний раз подтверждает факт неприязненного отношения к нему немцев, и рисует его деятельность в неплохом виде"²⁵.

На одном из приемов Радлинский по поручению Дюрчанского сказал Пушкину, что "немцы недовольны тем, что словацкие политические деятели ведут со мной якобы откровенные разговоры. Радлинский просил меня быть осторожным в Словакии". В связи с этим Пушкин и посетил Дюрчанского. Тот, заметив, что немцы интригуют, заявил: «Вот Вы, например, с Германией друзья, а между тем Германия на Ваших границах, на территории бывшей Польши, создает серьезные укрепления, так называемый "остенваль". По его словам "остенваль" строится по типу "линии Зигфрида", тянется на территории Польши к словацкой границе». Резолюция замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозова, ознакомившегося с этой записью 20 апреля 1940 г., гласила: «Александрову. Это сообщение заслуживает внимания. Немцы, конечно, обеспокоены нашим влиянием в Словакии. Т. Пушкин это должен всегда учитывать в своей работе. Надо запросить НКО т. Проскурова, что ему известно о линии "остенваль". Не мешало бы ознакомить полпредов в Прибалтах о пожелании, высказанном Дюрчанским»²⁶.

Свою оценку позиции Дюрчанского и других словацких политических деятелей Пушкин подкреплял и мнением о них аккредитованных в Братиславе дипломатов. 3 июня он, например, беседовал с ответственным сотрудником словацкого МИД Й. Мрачной, о котором заметил: "По моим сведениям, Мрачна – фигура Бенеша. Поэтому я попытался поговорить с ним несколько подробнее, чем с другими, по целому ряду вопросов". В основном речь шла о внутривластной борьбе в Словакии, развернувшейся весной 1940 г. и закончившейся отставкой Маха и его сторонников, которые, как будто бы, готовили путч с целью захвата власти всех руководящих постов в глинковской гвардии: "Мах все хотел сделать по германскому образцу, а Дюрчанский – по словацкому. На отставке Маха, по словам Мрачной, настаивали Дюрчанский и президент Тисо. Тука не был с этим согласен и подал заявление об отставке, но здесь же взял заявление обратно. Отставка Туки привела бы к серьезным осложнениям для правительства Словакии... Отставки Туки не хотели ни Тисо, ни Дюрчанский". Дюрчанский, по словам Мрачной, противится антиеврейской кампании, которую проводят немцы и группировка Маха. Собеседник Пушкина заметил, что "немцы не любят Дюрчанского, потому что он чересчур словак"²⁷.

Часто общался Пушкин с югославским посланником в Словакии Симичем, который, по мнению Пушкина, имел "достаточно широкие связи в кругах словацких политиков и интеллигенции, чем никак не могу похвастаться я". В частности, о событиях внутренней жизни Словакии весной 1940 г. Симич говорил: "В разработке плана (захвата власти. – В.М.) самое деятельное участие принимал руководитель немецкой фашистской партии в Словакии Кармазин, закадычный приятель и собутыльник Маха. Но подготовка путча вовремя была раскрыта и временно одержала верх более умеренная группа Дюрчанского, к которой здесь причисляют и руководителя глинковской партии Киришбаума... Мах производит впечатление политического хулигана... По заявлению Симича эта фигура не может удовлетворить даже немцев. Их устраивал бы Дюрчанский, человек более солидный и авторитетный. Но Дюрчанский, считаясь с настроениями в Словакии, занимает иную позицию в отношении к немцам, чем Тука – Мах. Он, поскольку это возможно, сдерживает аппетит немцев". Другой югославский дипломат, Д. Тошковиц, го-

²⁵ Там же, л. 40.

²⁶ Там же, д. 3, л. 25.

²⁷ Там же, л. 71–72. Дюрчанский до мозга костей был словацким националистом, при всех условиях выступавшим за самостоятельность Словакии. В ноябре 1944 г. он, в частности, говорил: "Я – не большевик, но, возможно, я бы стал большевиком, если бы тем самым я мог служить нации". – Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Praha, 1965, s. 857.

вора о Й.Тисо, сказал, что его "нельзя назвать совершенно немецким человеком. В партии ранее Тисо не принадлежал к экстремистским элементам и скорее стоял за полную автономию Словакии в рамках Чехословацкой республики. Но он – оппортунист, непоследовательный политик. И поэтому под давлением других лиц, и в первую очередь Туки, он занимает теперь проводимую им линию"²⁸.

Немцы не собирались сдавать занятых ими в Словакии позиций, тем более в преддверии своего броска в Юго-Восточную Европу, последовавшего вслед за поражением Франции. "Окно на Балканы" – так они определяли роль Словакии в своих геополитических конструкциях. Давление на словацкую верхушку было усилено. На приеме у Тисо по случаю "дня сада" 26 июня 1940 г. это ощутил и Пушкин, что явствует из его дневника: "Впервые я заметил, что словацкие министры всячески избегали остаться наедине со мной. Особенно это относится к Дюрчанскому, который раньше всегда охотно беседовал со мной и при этом всегда был инициатором. Боязнь немцев чувствуется особенно теперь. Немцы держатся развязно и нагло"²⁹. Анализируя поведение Дюрчанского, Пушкин писал в информационном письме в НКВД 14 июля: «Дюрчанский, проводя в известной мере антигерманскую политику, по-видимому, рассчитывал на затяжную войну на Западе. Успехи Германии во Франции явились для Дюрчанского неприятной неожиданностью. Наблюдая за поведением Дюрчанского в последнее время, я имею основания утверждать, что он растерялся. Весьма характерной в этом смысле была речь Дюрчанского на митинге, устроенном в Братиславе в связи с заключением перемирия между Германией и Францией. Дюрчанский из кожи лез, стараясь выслужиться перед Берлином, чего раньше за ним не замечалось. Мне представляется, что Дюрчанский настолько теперь напуган, что он не рискнет что-либо предпринять вопреки воле Берлина. Берлин же терпит сегодня Дюрчанского потому, что не теряет надежды приручить этого умного и, бесспорно, влиятельного и авторитетного политика в словацком народе. Но следует отметить, что немцы сейчас усиленно поднимают, я бы сказал искусственно поднимают, авторитет Туки, этого явного в прошлом шпиона Венгрии, ныне перешедшего на службу немцев... Раньше Дюрчанский обычно искал встреч со мной и использовал каждый удобный случай, чтобы на глазах у немцев продемонстрировать "дружбу" с Советским Союзом. Теперь положение резко изменилось: Дюрчанский всячески избегает меня... Словацкие политические деятели типа Дюрчанского мечтают создать маленькое независимое Словацкое государство по образцу Швейцарии (но значительно реакционнее), которое находилось бы между крупными державами, живущими не в ладах между собой и поэтому поддерживающими независимость государства, находящегося между ними. Географическое положение Словакии таково, что оно способно вызывать иллюзорные мысли в головах словацких политиков о второй Швейцарии. Именно в этом лежит причина желаний Дюрчанского и ему подобных иметь общую границу с Советским Союзом. По их мнению, Советский Союз в этом случае защитил бы католиков Словакии от Германии, а Германия – от СССР». Дюрчанскому приписывают слова, сказанные им якобы в узком кругу: "Если Россия нам не поможет, мы погибли". "Словацкие политики теперь терпеливо ожидают решений, которые продиктует им Берлин"³⁰.

И они последовали. По приказу Берлина Дюрчанский был смещен со своих постов. Портфели министров иностранных и внутренних дел перешли соответственно к Туке и Маху, которые взялись за насаждение в Словакии национал-социалистской идеологии. Тисо в принципе не возражал, но пытался облечь ее в "словацкие одежды" и, по возможности, противодействовать фаворитам Гитлера. 1 августа Пушкин нанес визит новому министру иностранных дел, после которого записал в дневнике: «Поведение Туки в последнее время дает основание считать, что это наиболее реакционная фигура в Сло-

²⁸ АВП РФ, ф. 138б, оп. 4, п. 2, д. 3, л. 62, 65–66.

²⁹ Там же, л.77.

³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 23, д. 288, л. 7–9.

вакии и самая опасная личность для словацкого народа. Он окончательно продался немцам. То, что он говорит в своих речах, идет значительно дальше, чем высказывания немецкой фашистской газетки в Словакии "Тренцботе"... Тука – хамелеон в законченной форме». Открыто гитлеровский ставленник в то же время «распинался в своих "прекрасных" чувствах к СССР»³¹.

Пушкину были ясны причины смещения Дюрчанского, но он продолжал следить за его судьбой. После очередной беседы с Симичем он записал в дневнике 12 августа: "Дюрчанский кроме всего прочего обвиняется в связях с английской агентурой. Не исключена возможность, что скоро его направят в концентрационный лагерь в Илаву. Среди сторонников Дюрчанского идут аресты". Возможно, что это так и было, хотя экс-министра иностранных дел в лагерь не отправили. Новый немецкий посланник в Братиславе, сразу назначенный дуайеном дипломатического корпуса "знаток" Балкан М. фон Киллингер³², которому Пушкин нанес визит 19 августа, на вопрос, откуда он знает Балканы, ответил, что он бывал в Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Словакии, "вылавливая в этих странах англо-французских шпионов". Киллингер "с большим раздражением говорил о Дюрчанском. По его словам, Дюрчанский не политик, а адвокат в политике. Дюрчанский играл двойную роль. Во всяком случае, он делал ставку не на Германию". О двойной роли Дюрчанского говорил Пушкину 31 августа и председатель только что организованного Государственного совета В. Равас: «"Это – умный человек, но не понявший обстановки", который "рано попытался проводить антинемецкие мероприятия и за это пострадал". Равас намекнул мне, что Дюрчанский хотел сидеть на двух стульях сразу, а попал между ними. Я попросил его уточнить, чей же второй стул (первый – немецкий). Он ответил: "во всяком случае – не Ваш". На мой вопрос, "не английский ли?", он ответил: "это ближе к истине". Далее Равас заявил почти дословно следующее: "Мы, словаки, народ маленький. Не нам ввязываться в большую политику. Мы почти все сторонники объединения с чехами. Таков Тисо, Дюрчанский, Киришбаум и другие. Я исключаю, конечно, Туку и Маха, которые больше немцы, чем сами немцы. Самостоятельная Словакия – это совершенно неосуществимая вещь. Сейчас мы все прикидываемся германофилами. Но что мы можем поделать? Ведь Германия – это сила. Дюрчанский сам привел в Словакию немцев (Равас имеет в виду участие Дюрчанского в Венском арбитраже 1938 г. и его поездку вместе с Тисо в марте 1939 г. к Гитлеру), а затем открыто выступил против них. Вы, послушав меня, возможно, подумаете, какой, мол, оппортунист со мной разговаривает. Но мы все сегодня оппортунисты. Иными мы не можем быть. Словацкий народ надо рассматривать как пленников Германии. Нам это не нравится, но мы все же утешаем себя тем, что у чехов еще хуже положение"». Версию о связях Дюрчанского с англичанами подтвердил в беседе с Пушкиным в тот же день и замминистра иностранных дел Ш. Полиак, сообщивший, что намерен посетить Дюрчанского, который находится в Тренчианских Теплицах. На вопрос о причинах отставки Дюрчанского Полиак ответил, что тот "сделал серьезную ошибку – связался с англичанами. Поэтому немцы и настояли на его отставке"³³.

Берлин не только усилил давление на словацкую политическую верхушку, но и всячески давал знать Москве о нежелательности ее активности в Словакии. В частности,

³¹ АВП РФ, ф. 1386, оп. 4, п. 2, д. 3, л. 149.

³² Свое впечатление о Киллигере Пушкин записал так: "Ну и фигуру же прислали немцы в Словакию. Ведь Киллингер убийца. В 1919 г. он лично убил тогдашнего министра Германии Эрцбергера. С этого момента он и стал другом Гитлера". – Там же, л. 158.

³³ Там же, л.157, 166, 170, 172. Примерно в 1942 г. Дюрчанский, пользовавшийся покровительством Й. Тисо, создал в Братиславе полуофициальный научный институт под названием "Научное общество для заграничных словаков". Оно располагало обширным техническим аппаратом, современной копировальной техникой, имело хорошо налаженную радиослужбу и связи с границей, получая материалы из Англии и Америки. В то же время назначенный германским посланником в Словакии в январе 1941 г. Г.Э. Лудин в августе 1944 г. характеризовал Дюрчанского как "ярого противника Бенеша". – Slovenské národné povstanie, s. 183, 337.

было установлено жесткое наблюдение за советским полпредством в Братиславе. Ф. Тисо, побывавший у Пушкина с визитом 11 сентября, возмущался "действиями полиции, называя их идиотскими". Он "клялся в дружбе к Союзу, говорил о том, что стремился завязать между нашими странами тесные культурные и экономические отношения и что теперь чувствует себя весьма плохо, так как все его старания были напрасны. Здесь же он добавил, что я, понимая обстановку в Словакии, должен сделать вывод, что действия полиции противоречат желаниям словацкого правительства... Тисо сказал, что полиция в Словакии действительно подчинена правительству лишь формально, а по существу руководит ею другая держава (намек на Германию)". При этом Тисо выразил большую заинтересованность в начале торговых переговоров между СССР и Словакией, заметив, что она "согласовывала вопрос о посылке торговой делегации в Москву с Германией и что последняя не возражает против этого"³⁴.

Будучи заинтересована в развитии советско-словацких экономических отношений, Братислава под нажимом Берлина все более ограничивала остальные аспекты этих отношений. Так, на прием в советском полпредстве по случаю 7 ноября, несмотря на разосланные приглашения, не явились ни президент, ни министры, кроме главы финансового ведомства М. Пружинского. Но поздравительные карточки прислали все, в том числе и Й. Тисо. Словацкую торговую делегацию, вылетавшую в Москву 17 ноября, вместо "внезапно заболевшего" Полиака возглавил Я. Орсак. Пушкин был удивлен этим: "Мне известно, что Орсак является скорее чехословаком, чем словаком" и что немцы "не доверяют ему"³⁵. Договор был подписан 6 декабря 1940 г. Орсак, вернувшись в Братиславу, посетил Пушкина и выразил ему благодарность за прием, оказанный словацкой торговой делегации в Москве. На вопрос о том, как воспринимают в Словакии политические и хозяйственные круги заключение этого договора, Орсак ответил, что "словацкие хозяйственники весьма довольны этим договором и надеются в будущем на расширение товарообмена между нами и Словакией. Политические же деятели, по его словам, не торопятся определить свое отношение к этому делу. В частности, премьер-министр и министр иностранных дел Словакии Тука даже не побеседовал с Орсаком после его возвращения из Москвы. Орсак восхищен Москвой, говорит о переменах, происшедших в Москве с 1935 г., когда он ездил в Москву от чехословацкого МИДа для заключения консульского договора"³⁶.

Немцы, начавшие осенью 1940 г. распахивать "окно на Балканы", все более превращали Словакию в свой укрепленный и, по возможности, умиротворенный тыл. В связи с этим они стремились ликвидировать напряженное противостояние в словацких верхах между группировками Й. Тисо, с одной стороны, и Туки – Маха – с другой. В сложившейся обстановке Берлин сделал ставку на более популярного и авторитетного в Словакии Й. Тисо, а также назначил посланником в Словакию более "мягкого" по сравнению с Киллингером Г.Э. Лудина³⁷, к тому же знавшего русский язык. Й. Тисо, который не только из честолюбия, но и питая иллюзорные надежды на возможность хоть в какой-то мере ослабить жесткий нажим Германии на Словакию, хотел сохранить за собой кресло президента. При этом он вольно или невольно должен был принять предложенные немцами "правила игры". Словакия присоединилась к Тройственному пакту, в стране началось преследование коммунистов, усилились гонения на евреев, стали нормой выпады в печати против Советского Союза. Тисо явно заискивал перед немцами, что констатировал и Пушкин. После общения с ним 2 января 1941 г. на приеме у Киллинге-

³⁴ АВП РФ, ф. 1386, оп. 4, п. 2, д. 3, л. 177–178.

³⁵ Там же, л. 190, 194.

³⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 20, д. 271, л. 10.

³⁷ 20 января Лудин явился к Пушкину с первым визитом. "Производит впечатление умного человека, живого и энергичного, боевой офицер германской армии", – записал Пушкин в дневнике. Разговор об отношении Германии с СССР Лудин закончил вопросом: "А вы не подведете нас, не нападете на Германию? Я объяснил ему, что Советский Союз придерживался и будет придерживаться политики нейтралитета в этой войне, поскольку это будет зависеть от Советского Союза". – АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 49.

ра, получившего назначение в Бухарест, советский полпред записал в дневнике: "Тисо много говорил о причинах современной войны, излагая ее с германских позиций. Тисо говорил нарочито громко с таким расчетом, чтобы весь его разговор со мной контролировался немцами... Поведение Тисо определено мне не нравится. Это, по меньшей мере, нетактично. Ничего подобного в прошлом за ним не наблюдалось. Этот момент хорошо иллюстрирует настроение Тисо. Я не сомневаюсь, что Тисо всеми силами старается сохранить свое положение в стране в качестве президента Республики. И он не побрезгует никакими средствами, чтобы выслужиться перед немцами, особенно, если они будут направлены против нас. Из этого факта я сделал для себя соответствующие выводы, и в будущем буду держать себя с ним осторожней".

Берлин явно делал ставку на Тисо, что понимал и Тука. Отсюда – мрачное настроение премьера, и это отметил Пушкин, беседуя с ним на новогоднем приеме у президента 4 января 1941 г.: «Он только что вернулся из Вены, куда он ездил якобы лечиться. Обращает на себя внимание какое-то необычное настроение Туки: он равнодушен ко всему, участие в разговоре не принимает, рассеян и курит папиросу за папиросой, напоминает Вандерлюбе на Лейпцигском процессе. Я осведомился о его здоровье. Подумав, он ответил: "старость, хворость"»³⁸. Однако сдаваться без боя Тука не собирался. «Уступая по всем линиям немцам, – сообщал Пушкин в НКВД 21 января, – Тисо пытается сохранить в правительстве свои старые кадры, против которых выступают здешние немцы и группировка Туки – Маха... В своих выступлениях они (Тисо и Тука. – *В.М.*), не называя нигде имен, поносили друг друга. Тука обвинял Тисо в демократизме, в пристрастии к парламентскому режиму и называл приверженцев Тисо предателями "словацкой национал-социалистской революции". Тисо доказывал, что нельзя экспортировать в Словакию национал-социализм в таком виде, в каком он сложился в других странах, предостерегал от пропаганды расширения "революции" и т.д.»³⁹

Немцам, вероятно, надоела эта, по выражению Пушкина, "мышьяковая возня", и они отдали приказ о ее прекращении. 3 февраля 1941 г. советский полпред сообщал в НКВД: «Кризис в словацких правящих кругах прошел, по-видимому, по указанию Берлина. Между двумя враждующими группировками достигнуто компромиссное соглашение... Эти группировки сделали взаимные уступки друг другу, смысл которых в следующем: Тисо остался президентом республики, за ним закреплено звание "вождя словацкого народа"», в правительственных кругах произведен ряд перестановок в пользу сторонников Туки. "Сейчас для всех и каждого ясно, что немцы готовят на балканском полуострове серьезную военную акцию. В этих условиях осложнение положения в тылу, каким будет Словакия для германских войск в недалеком будущем, не в интересах немцев"⁴⁰.

Немецкие хозяева Словакии действительно были весьма заинтересованы в сохранении спокойной обстановки в стране и особенно в восточной ее части, которую они фактически превратили в свою вотчину и намеревались использовать в качестве плацдарма в будущей войне против Советского Союза. Население этой части Словакии, русины и украинцы греко-католической конфессии, были недовольны политикой словацкого правительства по отношению к ним, что фиксировали и советские дипломаты. Так, атташе полпредства И.А. Зайцев записал в дневнике 4 декабря 1940 г. впечатления о беседе с Махом, который ездил с инспекционной поездкой в Восточную Словакию: "Крестьяне там живут очень бедно. Я привез с собой образец хлеба, какой они едят. Хлеб черный, состоит он из смеси пшена (не пшеницы – предупреждает Мах), кукурузы и камней. И эти бедняки еще платят налоги попам греко-католического вероисповедания. Попы говорят крестьянам, что они русские и украинцы, что они принадлежат к Карпатской Украине и Советскому Союзу. Я сказал попам: мы вас вышвырнем в Советский

³⁸ Там же, л. 24–25

³⁹ Там же, л. 33.

⁴⁰ Там же, л. 47–48.

Союз, если вы не прекратите эту пропаганду. Попы схватились за волосы"⁴¹. Более подробно коснулся этой темы Пушкин в информационном письме в НКВД от 21 декабря 1940 г.: "Немцы весьма обеспокоены просоветскими настроениями словацкого народа, и особенно в Восточной Словакии. В этой части Словакии проживают около 180 000 русинов, они занимают область, которая носит название Прешовская Русь (город Прешов). По своему социальному составу население Прешовской Руси в большинстве своем бедное крестьянство. Словацкое правительство, конечно, ни в коей мере не считается с их национальными стремлениями. Бывшие руководители этой национальной группы (поп Симко, учитель Михалевиц и другие) под давлением русинов выступали в начале этого года в печати и в парламенте Словакии с требованием предоставить русинам право культурных связей с Советским Союзом. Но с изменением режима в стране они умолкли. Лучше всего характеризуют настроения русинов лица, приходящие к нам в консульство. Так, к нам явилась однажды делегация из одного села Восточной Словакии (Михаловцы) с просьбой принять в гражданство Советского Союза все село в количестве 42 семей и передали при этом заявления с подписями жителей этого села и фотокарточками. На днях явилась группа молодых парней-русинов с просьбой о принятии в гражданство Союза. Когда же им консул ответил, что вопрос о принятии в гражданство Союза решается очень долго (не менее года), они ответили, что русины увидят Красную Армию значительно раньше этого срока и отказались подавать заявления... Словацкое правительство, иначе говоря немцы, не могли относиться равнодушно к подобного рода настроениям населения района, близко расположенного к границам Советского Союза. Все русинские организации культурного типа были распущены... В Восточной Словакии немцы организовали национал-социалистскую группу русинов, поставив во главе этой группы инженера Гелетку, известного нам как германского агента... Объявлено, что в Прешове будет выходить газета на русинском (русском) языке"⁴².

За неделю до нападения гитлеровской Германии на СССР подробную информацию о словацких русинах прислал корреспондент ТАСС в Братиславе. Он писал, что жители восточных районов Словакии часто возражают, когда их называют русинами. «Какие мы русины, мы – настоящие русские. Если нас называть русинами, то, например, словаков, надо именовать "чехинами"» – говорят они. "Нищета, национальное и политическое бесправие, близость к Советскому Союзу, к русскому народу определяют политические настроения и желания народа восточной части страны. Вот почему в политическом отношении Восточная Словакия – наиболее уязвимый и опасный для теперешних словацких правителей и их берлинских хозяев уголок страны", – писал корреспондент. "Немцы, конечно, знают о настроениях народа. Здесь для них небезопасно. Приготавливаясь к военным действиям, они готовят и тыл", заявляя хвастливо: "Через две недели будем в Москве". Что касается оценок советской внешней политики населением, то, по словам корреспондента, имеются такие, которые склонны толковать ее, как "результат недостаточной военной подготовки СССР", "как уступку Германии", поскольку СССР "чувствует себя слабым, чтобы воевать против Германии". Большинство же советскую внешнюю политику оценивают так: "Россия ждет момента, пока воюющие страны обессилят". После событий в Югославии можно слышать вопрос: а придет ли Россия освободить нас? "Народ ждет прихода Красной Армии"⁴³.

Все более превращая Словакию в военный лагерь, немцы не забывали и о ее армии, только не в плане укрепления, а, наоборот, разоружения и реорганизации по германскому образцу. "Недавно по распоряжению германских властей, – сообщил Пушкин в НКВД 17 января 1941 г., – в словацкой армии отобрано вооружение: танки, пушки, самолеты и т.д. Оставлена лишь небольшая часть его, необходимая для обучения армии. Немцы мотивировали это тем, что не намерены поручать словацкой армии самостоя-

⁴¹ Там же, л. 3.

⁴² Там же, л. 14–15.

⁴³ АВП РФ, ф. 0138, оп. 22, п. 130а, д. 2, л. 77–87.

тельных задач в этой войне, а предназначали эту армию на второстепенную роль. В Братиславе ликвидирована офицерская школа. Отныне словацкие офицерские кадры будут готовиться в Германии". Военный министр Словакии генерал Чатлош подавал президенту заявление об отставке, но президент отставку не принял. "Чатлош, по-видимому, просто не хотел быть генералом безоружной армии"⁴⁴, – писал Пушкин. Характеризуя словацкого военного министра, которому было тогда 48 лет, Пушкин писал, что в Чехословакии он был подполковником, а звание генерала получил "от автономного Словацкого государства". «Чатлош – единственный в словацком правительстве евангелик (протестант). В католической Словакии евангелики являются меньшинством. Между католиками и евангеликами ведется борьба, хотя это тщательно скрывается. Евангелики всюду оттираются на задний план. Евангелики оппозиционно настроены к правительству. Отчасти уже по одному тому, что Чатлош является протестантом, он пользуется известной популярностью среди оппозиционных к правительству кругов. Во время беседы с Чатлошом в марте 1940 г. он заявил, что евангелики считают его своим представителем в правительстве. Но Чатлош не считает себя таковым. Он развивал мысли о мирном сожительстве католиков и евангеликов. Он говорил, что разжигание розни между католиками и евангеликами, откуда бы оно не исходило, не пойдет на пользу Словакии. По мнению Чатлоша, Словакия должна делать то, что ей приказывает Берлин. Чатлош был в России несколько лет в районах Сталинграда, Астрахани⁴⁵. Хорошо знает русский язык. Однажды он сказал мне: "Я верю, что Советский Союз непобедим. Россию не мог победить еще ни один Наполеон". При этом он оглядывался по сторонам, боясь, что его подслушивают немцы. Чатлоша я не считаю германским человеком. Мне представляется, что он скорее чехословак. Немцы придали к Чатлошу Маха в качестве заместителя министра национальной обороны, срочно повысив Маха от рядового до капитана. Этот момент весьма примечательный и говорит в пользу Чатлоша. Мах определенно будет нести функции контроля за Чатлошем. Недавнее разоружение словацкой армии (отправка самолетов, танков, артиллерии, принадлежавших Словакии, в Германию) было неожиданностью для Чатлоша». Пушкин склонен был рассматривать его, как "человека, хорошо настроенного в отношении Советского Союза. Но он достаточно хитер и осторожен, чтобы открыто проявлять симпатии к нам. Это он не сделает до тех пор, пока не изменится политическая ситуация в Центральной Европе, иначе говоря, до тех пор, пока Германия не перестанет играть здесь роль определяющего фактора"⁴⁶.

В начале 1941 г., после годичного пребывания на посту советского полпреда, Пушкин представил подробные характеристики и на других видных словацких политических деятелей: Й. Тисо, Ф. Дюрчанского, М. Пружинского, В. Туку. Сообщая подробные биографические данные словацкого президента, Пушкин писал: "Вплоть до марта 1939 г. Тисо защищал принципы автономии Словакии. В начале марта 1939 г. по указанию из Берлина Тисо открыто возглавил сепаратистское движение в Словакии, за что и был снят 9 марта 1939 г. с поста премьер-министра автономной Словакии... Тисо вместе с Дюрчанским отправился в Берлин, где получил указание от Гитлера объявить Словакию самостоятельным государством⁴⁷ ...Тисо, несомненно, является самой крупной политической фигурой нынешней Словакии. Из всех здешних буржуазных политиков он пользуется наибольшей популярностью в народе. Этому способствуют и личные каче-

⁴⁴ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 31–32.

⁴⁵ Чатлош находился в России во время и после Первой мировой войны в качестве военнопленного австро-венгерской армии и чехословацкого legionера.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 54–56. Эта характеристика оказалась достаточно точной: во время Словацкого национального восстания 1944 г. Чатлош перешел на сторону повстанцев и предложил Советскому Союзу свои услуги. См. подробнее: *Marjina Valentina V. Vážeň butyrskej cely Ferdinand Čatloš. – Historický časopis, 1996, № 4, s. 678–700.*

⁴⁷ О создании Словацкого государства см. подробнее: *Марьина В.В. Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. – Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995, с. 201–225.*

ства Тисо: он скромнен, прост и общителен. Часто выезжает в села страны, где исполняет службу в костелах. В условиях отсталой, сельскохозяйственной, фанатически религиозной Словакии это имеет серьезное значение... С самого начала возникновения самостоятельной Словакии Тисо должен был противодействовать немцам, если он скольконибудь дорожил своей популярностью и своим авторитетом в стране. Так он и поступал. Правда, эта политика противодействия была трусливой: Тисо давал отпор немцам по мелочам, соглашаясь с ними по принципиальным вопросам. Значительно дальше в этом деле шел Дюрчанский, за что и был удален от политической деятельности". Далее Пушкин писал о вражде двух вышеозначенных политических группировок в Словакии: "Разница между этими группировками не особенно резкая... Во всяком случае разницы во внешней политике в позиции этих группировок нет никакой. Некоторую разницу между ними можно отметить в вопросах внутренней политики. Группа Туки – Маха стремится насадить в Словакии национал-социализм в полной его форме. Группа же Тисо, соглашаясь в принципе с этим, все же пытается отстоять те жалкие остатки демократического режима, которые еще имеются в Словакии, например, парламент. Борьбу между этими группировками правильнее рассматривать в свете противоречий германского национал-социализма и католической церкви и в свете личных отношений между Тукой и Тисо". По поводу первого из этих противоречий, размолвки "Ватикана и нынешней Германии", и влияния этого фактора на Словакию Пушкин писал: "В Словакии влияние Ватикана особенно заметно. Католический декан – президент Словакии Тисо тесно связан с Ватиканом и находится под его влиянием. Католическая церковь, являющаяся в большей мере, чем какая-либо другая, политической организацией, руководит, по существу, в Словакии всей общественно-политической жизнью страны". С этим не могли мириться представители германского национал-социализма в Словакии Тука и Мах. «Я не склонен рассматривать Тисо как прогерманского политического деятеля, – писал далее Пушкин. – Любопытно, что вокруг Тисо группируются антигермански настроенные лица: два брата Дюрчанских, Дачкал (журналист, чех по национальности), министр Стано, Сидор, Кишбаум и др. ...В своих выступлениях Тисо никогда не делает резких выпадов против бывшего чехословацкого правительства и его политики, что особенно характерно для Туки. И в еврейском вопросе Тисо проявляет заметную сдержанность... Он определенно тормозил дело с "аризацией" еврейской собственности, боясь, что последняя попадет в руки немцев. Но Тисо в то же время боится чем-либо обидеть немцев и вызывать с их стороны излишние подозрения к своей политике. Поэтому он так часто подчеркивает "дружбу" Словакии с Германией. В вопросе словацко-германских отношений Тисо изворачивается, и это вызывает критику его со стороны группы Туки и обвинение его в неискренности. Немцы будут терпеть Тисо до поры до времени. Они, по-видимому, рассчитывают прогнать его после завершения своей акции на Балканах... Главное для Тисо в нынешних условиях господства немцев в Словакии не власть, а авторитет в массах. Им он, бесспорно, дорожит и надеется воспользоваться при удобном случае». В выступлениях Тисо обычно обходит стороной вопрос своего отношения к СССР: "Говорить что-либо плохое об СССР он не может, так как связан своим положением главы государства, а говорить хорошее об СССР мешают ему его антисоветские настроения... Ни в коем случае не следует переоценивать антигерманские настроения Тисо. При всех обстоятельствах Тисо может договориться с кем угодно, только не с Советским Союзом"⁴⁸.

Подробно характеризовал Пушкин и отстраненного от политической деятельности Дюрчанского, который в начале существования самостоятельной Словакии был тесно связан с германскими политическими кругами: «Немцы не могли не заметить, что Дюрчанский является наиболее подготовленным и умным политиком современной Словакии, поэтому и делали на него свою ставку. Размолвка Дюрчанского с немцами относится к периоду оккупации южных районов Словакии Венгрией, которая произошла уже

⁴⁸ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 57–62. До конца войны Словакия под руководством Тисо следовала в фарватере гитлеровской Германии.

после подписания договора "О защите Словакии". Дюрчанский надеялся на помощь Германии против Венгрии». Но этого не произошло, и он стал искать поддержки СССР. В характеристике подробно описана история восхождения Дюрчанского на словацкий политический Олимп и его низвержение по указке Берлина. "Проводя довольно независимую политику в Словакии, Дюрчанский опирался на поддержку Тисо, католических кругов и Ватикана... Хотя Дюрчанский и не допускал в отношении Советского Союза никаких выпадов в своих речах и статьях, он, бесспорно, является противником СССР... Дюрчанский, ссылаясь на указания из Ватикана, считает, что такие политические деятели, как он и Тисо, должны временно уйти с политической арены, сохранив свой авторитет в массах, с тем, чтобы после разгрома Германии придти к власти и предупредить революцию в Словакии. Антисоветское существо этих рассуждений Дюрчанского совершенно очевидно и не нуждается в особых комментариях"⁴⁹.

В обширном отчете полпредства за 1940 г. Пушкин добавил еще несколько штрихов к политическому портрету Дюрчанского: "Первую половину 1940 г. можно назвать временем господства в Словакии группы Дюрчанского. Во внешней политике эта группа проводила линию лавирования между Германией, Италией, Венгрией и другими странами. Эта группа пыталась также заигрывать и с нами... Группа Дюрчанского, бесспорно, боялась полного порабощения Словакии немцами. Именно поэтому она мечтала иметь общие границы между СССР и Словакией... во внутренней политике эта группа пыталась подражать Швейцарии. Не будет ошибкой, если назвать Дюрчанского приверженцем буржуазно-демократической формы управления государством. По словацкой конституции словацкий снем (парламент. – *В.М.*) имеет довольно значительные права. Организация этого снема была проведена группой Дюрчанского. Известный демократизм проявляется и в отношении компартии... Законы против евреев, обсуждавшиеся в этот период в словацком снеме, носили чисто декларативный характер. Сама постановка этих вопросов в парламенте была явно вынужденной. Группу Дюрчанского открыто обвиняли в примиримости к евреям". Далее Пушкин описывал мотивы действий Дюрчанского, который начал кампанию "смеющаяся Словакия", мечтая воспользоваться ее "красотами, привлечь массы туристов и сделать туризм одной из основных частей словацкого дохода". В марте–апреле "Дюрчанский, убедившись в том, что Англия и Франция решились всерьез воевать с Германией, стал действовать в Словакии значительно смелее, чем прежде. Дюрчанский больше всего боялся неожиданного мира между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой. В доверительных беседах Дюрчанский развил приблизительно такие мысли: как Советский Союз, так и Словакия не заинтересованы в мире на Западе. В случае такого мира создается единый блок четырех крупных европейских государств против Советского Союза. Но этот блок не сразу будет создан и не сразу начнется война против Советского Союза. Но Словакия может быть убеждена в том, что на другой же день после заключения мира, она будет принесена в жертву. Ни Германия, ни Англия не будут с ней считаться.

Нападение Германии на Норвегию и англо-германская борьба в Норвегии убедили Дюрчанского в неосновательности опасений насчет мира на Западе. Это сразу же сказалось на политике Дюрчанского внутри страны. Уже в апреле месяце Дюрчанский повел борьбу с группой Маха, пользуясь почти неограниченной властью (он был министром иностранных дел и внутренних дел). Немцы зорко следили за деятельностью Дюрчанского, но не принимали пока решительных мер для их пресечения: немцы готовили удар против Бельгии, Голландии и Франции. Дюрчанский начал решительно расправляться с прогерманской группировкой. Маха он освободил от руководства глинковской гвардией, заменив его Галаном, снял с поста многих руководителей местных организаций глинковской гвардии, заменив их своими людьми, и даже многих сторонников Маха за-

⁴⁹ Там же, л. 79–83. В конце войны Дюрчанский бежал в Италию, затем переехал в США, а потом обосновался в Мюнхене, где в 1973 г. издал свои мемуары, в которых мало что говорится о его деятельности на посту министра иностранных дел Словацкой республики в 1939–1940 гг.

ключил в тюрьму. Все это проводилось под предлогом якобы раскрытого заговора Маха против Дюрчанского. Подготавливался ли путч или нет остается до сих пор неясным... Одновременно с этим Дюрчанский боялся открыто порвать с немцами и в своих речах старался успокоить Германию... Период самостоятельного управления Словакией кончился вместе с разгромом Франции". Германские круги в Словакии особенно упорно распространяли слухи о том, что отставка Дюрчанского объясняется его связями с англичанами. "Не исключена возможность, – считал Пушкин, – что Дюрчанский мог иметь какие-то связи с английским правительством, а возможно и с группой Бенеша в Лондоне"⁵⁰.

Столь же обстоятельно Пушкин характеризовал и Туку. Здесь подробно излагается его биография, говорится об аресте и суде над ним за государственную измену и шпионаж в пользу Венгрии, осуждении в октябре 1929 г. на 15 лет тюрьмы, досрочном освобождении в 1937 г. с правом жительства только в г. Пльзене. Но в декабре 1938 г. Тука возвратился в Братиславу, где до марта 1939 г. работал в автономном словацком правительстве в качестве министра внутренних дел и вице-премьера. 28 октября 1939 г. он был назначен премьер-министром Словакии. Пушкин характеризовал Туку как яркого карьериста и беспринципного политика, который "совершенно не пользуется доверием и авторитетом в Словакии, если не считать весьма узкую группу его приближенных. До самого последнего времени Туку рассматривали в Словакии как проводника политики Венгрии, и это было правильно... В последнее время, учитывая изменившуюся международную обстановку, Тука перешел на службу к немцам. Начиная с Мюнхена, Тука в начале в скрытой форме, а затем все более откровенно проповедовал идеи так называемого словацкого национал-социализма. Несмотря на то, что Тука был премьер-министром до середины 1940 г., он не играл существенной роли в политической жизни страны... Немцы искали повода для вмешательства во внутренние дела Словакии, чтобы расправиться с группой Дюрчанского, которая проводила, если не антинемецкую, то, во всяком случае, словацко-националистическую позицию". "Тука не может рассчитывать на поддержку в словацких политических кругах, так как его политическая репутация очень сильно подмочена. Поэтому он может рассчитывать на успех, лишь ориентируясь на немцев", – считал Пушкин и добавлял: "Тука открытый враг Советского Союза и не старается скрывать этого. Тука, пожалуй, единственный деятель нынешней Словакии, исключая Маха, который разжигает травлю между словацким и чешским народами. Тука – ярый антисемит"⁵¹.

Характеристика Пружинского более сжатая, поскольку, по словам Пушкина, он не имеет политического веса и значения, являясь узким специалистом, тесно связанным с президентом Тисо. Пружинский – «типичный чиновник, получивший "тепленькое местечко" в нынешней Словакии и считающий поэтому сегодняшнюю словацкую действительность верхом своего идеала... Лично же Пружинский, по нашему мнению, может служить и Тисо, и немцам, и чехам»⁵².

Положительно Пушкин отзывался о Стано: "Всегда относился и до сих пор хорошо относится к чехам и старается удержать чехов у себя на службе. Но здесь играют роль не столько политические соображения, а больше желание сохранить в своем ведомстве специалистов-чехов из-за отсутствия достаточного количества специалистов-словаков". Стано "наиболее порядочный человек среди нынешних политических деятелей Словакии... Стано правильнее рассматривать как человека Дюрчанского в словацком правительстве"⁵³.

Внимательно отслеживая позиции отдельных политических деятелей в отношении СССР, а также анализируя внутреннюю жизнь и внешнюю политику Словакии, Пушкин пришел к следующему заключению: "Касаясь наших взаимоотношений со Словакией, необходимо прямо сказать, что до тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией... Немцы

⁵⁰ Там же, л. 114–117.

⁵¹ Там же, л. 71–75.

⁵² Там же, л. 84–85.

⁵³ Там же, л. 200.

весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии. Со страной, в которой Германия запрещает вообще писать что-либо положительное об СССР, даже то, что она публикует в своей прессе, у нас не может быть развитых отношений... Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт"⁵⁴.

Изучение того, что происходило в Словакии, было весьма важно с точки зрения определения дальнейших намерений Гитлера. Завершив "свои дела" в Юго-Восточной Европе, он начал непосредственную подготовку к войне против СССР, что явственно ощущалось в Словакии. Словацкие политические деятели, которые встречались с Пушкиным в апреле–мае 1941 г., а также простые люди, посещавшие консульский отдел полпредства, говорили об этом прямо или намеками. В информационном письме в НКВД от 23 апреля 1941 г. Пушкин писал: "Здесь в самых разнообразных кругах (хозяйственников, журналистов и просто среди словацкого населения) распространяются слухи о якобы предстоящем военном столкновении между СССР и Германией... К непосредственному выступлению Германии против Советского Союза толкают ее продовольственные затруднения, переживаемые не только в Германии, но и во всех странах, оккупированных германскими войсками. Таков смысл этих рассуждений"⁵⁵.

Словацкая верхушка если и не знала наверняка, то угадывала точно направление дальнейшего немецкого удара. "После разгрома Югославии и Греции словацкие политические деятели самым решительным образом избегают иметь с нами какую-либо связь. Они просто боятся немцев"⁵⁶, – сообщал Пушкин в НКВД 19 мая 1941 г. Он и сам наблюдал за военными приготовлениями немцев в Словакии. В информационном письме в НКВД от 20 мая 1941 г. Пушкин писал: "Следует подчеркнуть, что немцы серьезно подготавливают Словакию к будущим военным операциям. Любопытно, что Словакия, исключительно беспечная во время югославо-германской войны, сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны". В прессе развернута кампания за сооружение бомбоубежищ (крайний срок согласно приказу шефа полиции 1 июня с.г.); издано специальное распоряжение о приобретении каждым жителем Словакии противогАЗа; необычайно усилилось весной этого года, особенно в Восточной Словакии, дорожное строительство (направление дорог – к границам Генерал-губернаторства); полиция с конца апреля установила за полпредством открытое наблюдение ("я догадываюсь, что такой порядок словаки, точнее немцы, ввели всерьез и надолго"). "В течение последнего месяца, – писал Пушкин, – Братислава полна слухов о якобы предстоящей войне между СССР и Германией. Любой посетитель Торгпредства и консульского отдела Миссии"⁵⁷ считал своим долгом сообщить о грозящей СССР опасности. Характерно, что даже официальные словацкие представители заявляли работникам Торгпредства, что у них возникли серьезные опасения, смогут ли они до начала военных действий между СССР и Германией получить закупленный в Советском Союзе хлеб".

И все же вопреки логическому выводу о приближении нападения Германии на СССР, который следовал из этих фактов и который делали словаки, Пушкин, очевидно, зная об общей линии поведения Кремля, упорно не желавшего верить в возможность советско-немецкого конфликта в ближайшее время, полагал, что подобные слухи инспирируют и распространяют сами немцы, хотя и не очень понимал, зачем они это делают"⁵⁸.

Симптоматичным и внятно не объясненным словацкой стороной был отзыв Ф. Тисо с поста словацкого посланника в Москве. 13 апреля 1941 г., согласно сообщению агентства Рейтер, он выехал в Братиславу для консультаций"⁵⁹ и вернулся в Москву лишь

⁵⁴ Там же, л. 156.

⁵⁵ Там же, л. 190–191.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 01386, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 148.

⁵⁷ Так стало именоваться с мая 1941 г. Полпредство СССР в Словакии.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 220–223.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 01386, оп. 2, п. 1, д. 3, л. 79.

5 мая, чтобы подготовиться к сдаче дела миссии. Во время прощального визита к Генеральному секретарю НКВД СССР А.А. Соболеву 23 мая 1941 г. он выразил сожаление по поводу своего преждевременного отъезда из Москвы ("Он надеялся, что его пребывание в Москве будет более длительным"). То же самое Ф. Тисо заявил и во время протокольного визита к А.Я. Вышинскому ("Тисо поблагодарил за внимание и доброжелательное отношение к нему во время его пребывания здесь")⁶⁰. Новым словацким посланником в СССР был назначен доктор юридических наук Ю. Шимко, который в 1940 г. являлся последовательно шефом президиума министерства внутренних дел, а затем президиума совета министров Словакии. Перед отъездом в Москву Шимко 29 мая посетил Пушкина, который в связи с этим записал в дневнике: он "коснулся советско-германских отношений, заметил, что в последнее время через территорию Словакии непрерывным потоком идут германские войска к советским границам. Словакия полна слухов о предстоящей войне между СССР и Германией. Я спросил его, разделяет ли он это мнение. Шимко ответил, что все зависит от того, дадим ли мы немцам хлеб бесплатно или нет. На мой вопрос, почему же бесплатно, Шимко ответил, что Германия переживает серьезные продовольственные трудности. Она не имеет сейчас возможности ввиду военного времени чем-либо компенсировать наши поставки Германии. Германскому хозяйственному организму (Шимко имеет в виду всю Центральную и Балканскую Европу) не хватает Украины. Отсюда он делает вывод, что немцы будут воевать с нами за Украину, если мы не дадим им бесплатно хлеб. Был ли этот разговор со мной инсценирован немцами или он действовал по собственной инициативе, трудно сказать"⁶¹.

Шимко прибыл в Москву 2 июня 1941 г. Временный поверенный в делах Словакии в СССР Крно в беседе с сотрудником НКВД характеризовал его как старого, опытного государственного чиновника, который в своей новой должности "будет строго руководствоваться законом, предписанием, а не эмоциями, как это было с политиком Тисо". В справке НКВД о Шимко говорилось, что он хорошо знает немецкий и плохо русский и французский языки. Тем не менее, будучи принят 5 июня Вышинским, он начал беседу по-русски. "Я заметил, – записал Вышинский в дневнике, – что он неплохо владеет русским языком. Шимко ответил, что русский язык стал изучать недавно и перед отъездом в Москву взял только 14 уроков"⁶².

Выполнять ему свои служебные обязанности пришлось менее трех недель. 22 июня Германия начала войну против СССР. За несколько дней до этого Пушкин уехал в Москву. Поверенным в делах СССР в Словакии остался С.А. Афанасьев. Вот как он описал в своем дневнике день 22 июня: "Рано утром Миссии стало известно о нападении Германии на Советский Союз. Учитывая отношения, существующие между словацким и германским правительствами, я отдал распоряжение о подготовке дел к уничтожению. В 10 часов утра я был вызван в МИД, где мне было заявлено, что в целях избежания возможных неприятностей было бы желательно, чтобы сотрудники миссии не покидали здания в течение сегодняшнего дня. Вернувшись из МИД, я сделал соответствующее распоряжение. Около 11 часов к зданию Миссии подошла толпа немцев. В окна полетели камни. Стоявшая у подъезда машина была подожжена. Сразу же после появления толпы было приступлено к уничтожению секретных материалов. Уничтожение было проведено в установленном для этого время.

После протеста, заявленного МИД Словакии по поводу происшедшего, шеф протокола Бельнай явился в Миссию с извинениями (12.30) и заявил, что будут приняты все необходимые меры для охраны Миссии. Через некоторое время меня попросил приехать в МИД зав. политическим отделом Мрачна. Я заявил ему по телефону, что в результате действий толпы Миссия осталась без средств передвижения. Мрачна прислал в Миссию своего заместителя Цикера с нотой, извещающей о том, что вследствие тесных отношений, существующих между Словакией и Германией на основе договора о за-

⁶⁰ АВП РФ, ф.029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 217–218.

⁶¹ Там же, л. 242–243.

⁶² Там же, л. 235–237.

щите, словацкое правительство решило порвать дипломатические отношения с СССР. Приняв от Циекера ноту, я еще раз поставил вопрос об усилении охраны сотрудников и здания Миссии".

Запись в дневнике Афанасьева 23 июня 1941 г. гласит: "Сегодня Словакия объявила войну СССР. Часов в 8 вечера большая толпа снова прибыла к зданию Миссии. Это было после митинга у театра, где выступали шеф пропаганды Гашпар и руководитель словацких немцев Кармазин. Толпа начала громить окна и двери здания. Участники налета принесли с собой железные палки, с помощью которых сорвали цепь у двери подъезда. Но ни через дверь, ни через балкон проникнуть в здание не удалось... Налет, несомненно, был организован фашистской немецкой партией. Уже с 7 часов вечера было замечено усиление полицейского наряда, но его, конечно, оказалось недостаточно, а неоднократные звонки в полицию ни к чему не привели". 25 июня шеф протокола Бельнай сообщил, что Швеция взяла на себя охрану интересов СССР в Словакии⁶³.

В Москве разрыв советско-словацких дипломатических отношений прошел без эксцессов. 23 июня Шимко посетил Молотова и заявил, как записано в дневнике наркома, "что согласно информации, полученной им по радио, словацкое правительство прервало дипломатические отношения. Он, Шимко, сообщая об этом Молотову, исполняет горькую обязанность, тем более горькую, что он только три недели назад приехал в СССР и получил от своего правительства заверения, что не предвидится никаких угрожающих событий... Он объясняет разрыв дипломатических отношений Словакии с СССР тем, что... Словакия приняла защиту Германии и обязалась координировать свою политику с политикой Германии. Шимко просит оказать содействие в деле выезда на родину словацкой миссии... Молотов заявляет, что будут обеспечены обычные условия отъезда, и он не предвидит здесь затруднений... Он говорит, что дело Словакии решать вопрос об отношениях с СССР... все же он хотел спросить, имеются ли у Словакии поводы для недовольства в отношении СССР. Шимко отвечает, что по его сведениям таких поводов нет, и он объясняет действия словацкого правительства договором с Германией от 17 марта 1939 г., по которому Словакия обязалась координировать свою внешнюю политику с внешней политикой Германии.

Т. Молотов спрашивает, можно ли понять заявление Шимко так, что Словакия вынуждена предпринять этот шаг, хотя она и не имеет претензий к СССР. Т. Молотов говорит, что, как он понимает, и до нападения Германии на Советский Союз, и после этого нападения у Словакии не было поводов для недовольства в отношении СССР. Насколько Т. Молотов мог выяснить, поводов к разрыву отношений Советский Союз не давал. Шимко заявил, что такие факты ему не известны. Он не получал также инструкций из Словакии о недовольстве Словакии в отношении СССР. Он не располагает дальнейшей информацией. Пока он имеет сообщение о разрыве отношений Словакии с СССР по радио из Берлина и Словакии и сообщение от шведского посланника о том, что шведское правительство приняло на себя защиту интересов Словакии в СССР. Шимко вручил ноту о разрыве Словакией дипломатических отношений с СССР", в которой выражалась просьба разрешить сотрудникам словацкой миссии выехать из СССР вместе с составом германского посольства⁶⁴.

Интересно отметить такой факт: на следующий день, 24 июня 1941 г., первый секретарь словацкой миссии Крно явился к управляющему Бюробин (Бюро обслуживания иностранцев. – В.М.) П.Т. Гришину и, сообщив ему о разрыве Словакией дипломатических отношений с СССР, заявил о желании "оплатить все счета за аренду дома до 31 декабря 1941 г." "Уезжая, они хотят расплатиться за все и сохранить свои хорошие взаимоотношения с Бюробино, так как надеются вновь приехать и занять дом"⁶⁵, – значит в записи беседы. Слова "вновь приехать" скорее всего были сказаны на всякий случай, но, возможно, являлись и отражением надежды на победу СССР над Германией в начавшейся войне.

⁶³ Там же, л. 273–275.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 22, д. 275, л. 2–4.

⁶⁵ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 241.